

УДК 81'23

РАЗНОКОДОВЫЕ КОЛЛОКАЦИИ В РЕЧИ КОМИ-ПЕРМЯЦКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ

Тамара Ивановна Доценко

к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. tamaradotsenko@bk.ru

Юлия Ефимовна Лещенко

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. naps536@mail.ru

Татьяна Сергеевна Остапенко

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. osttania@yandex.ru

В статье представлено экспериментальное исследование разнокодовых коллокаций (воспроизводимых устойчивых сочетаний двух и более слов разных языков), встречающихся в речи коми-пермяцко-русских билингвов. Исследование включает два этапа: 1) выявление межъязыковых связей синтагматического типа в материалах свободного ассоциативного эксперимента с коми-пермяцкими стимулами; 2) выявление разнокодовых коллокаций в системе межъязыковых синтагматических связей и описание их особенностей на основании анкетирования билингвов – коми-пермяков. При описании разнокодовых коллокаций особое внимание уделяется явлению триггеринга, обуславливающего кодовые переключения между элементами коллокаций. На основании исследования выдвигается предположение о том, что языковое сознание естественных билингвов характеризуется смешанной с точки зрения языкового кода, или диффузной, зоной. Данная зона формируется за счет неосознаваемых кодовых переключений и отвечает за феномен «смешения языков», часто выявляемый в речи естественных билингвов.

Ключевые слова: естественное двуязычие; коми-пермяцко-русский билингвизм; межъязыковые коллокации; кодовые переключения; триггеринг; смешение языков.

В самом общем виде коллокация в современной лингвистике определяется как устойчивое, привычное сочетание обычно двух слов, имеющее признаки синтаксически и семантически целостной единицы, реализующее регулярные комбинаторные свойства слов и основанное на так называемой «высокой ожидаемости» совместной встречаемости [Влавацкая 2015: 57].

Исследователи отмечают, что коллокации занимают промежуточную позицию между фразеологизмами и свободными словосочетаниями: один из элементов коллокации является несвободным и частично приобретает переносное значение, в то время как второй элемент сохраняет свободные сочетаемостные свойства. Это приводит к тому, что коллокации, с одной стороны, образуются единицами, между которыми образуются

не сильные связи, а с другой – оказываются более стабильными и устойчивыми, чем свободные словосочетания. В связи с этим коллокации встречаются в речи «чаще, чем можно было бы ожидать исходя из случайности распределения их элементов» [Woolard 200: 29]. К разряду коллокаций обычно относят такие сочетания, как *вести беседу, придавать значение, расширить кругозор, блестящие способности, находиться близко* [там же: 58]; *оказывать помощь, дать совет, сделать одолжение* [Бялек 2004: 224]

Предполагается, что носители определенного языка употребляют коллокации бессознательно и интуитивно, воспроизводя их в своей речи как единое целое. По всей видимости, в основе реализации коллокаций лежат определенные автоматизмы, обуславливающие формирование лек-

сического навыка при овладении родным языком и закрепляющие в языковом сознании индивида привычные паттерны сочетания двух слов одного языка.

Гипотеза исследования была следующей: в ситуации естественного двуязычия при спонтанном усвоении двух языков с раннего детства в условиях естественной языковой среды в сознании индивида могут закрепляться не только однокодовые, но и разнокодовые коллокации. В последнем случае коллокации являются результатом становления лексического навыка одновременно по отношению к двум языкам. Основанием для выдвижения данной гипотезы послужили межъязыковые синтагматические связи, регулярно появляющиеся в материалах серии ассоциативных экспериментов (подробнее см. [Доценко, Лещенко, Остапенко 2013]).

Для проверки выдвинутой гипотезы было проведено экспериментальное исследование. В эксперименте приняли участие 55 студентов коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета в возрасте от 17 до 23 лет. Результаты предварительного опроса информантов показали, что все они усвоили коми-пермяцкий и русский языки в дошкольном возрасте в условиях естественной языковой среды и свободно владеют обоими языками. Экспериментальное исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе исследования с информантами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Для эксперимента в качестве слов-стимулов были взяты коми-пермяцкие слова: *ёрт* 'друг', *думайтны* 'думать', *морт* 'человек', *мунны* 'идти', *ыджыт* 'большой', *ним* 'имя', *нывка* 'девочка', *кад* 'время', *кывзыны* 'слушать', *тӧдны* 'знать', *уналӧ тӧдса* 'известный', *погоддя* 'погода', *вовлыны* 'приходить', *кокнит* 'легко', *босьтны* 'брат', *югыт* 'свет', *баитны* 'говорить', *кывчукӧр* 'словарь', *удж* 'работа', *зонка* 'мальчик', *чожа* 'быстро', *чайтны* 'полагать', *небӧг* 'книга', *керны* 'делать', *лун* 'день', *сетавны* 'давать', *керку* 'дом', *велӧтчины* 'учиться', *ӧтӧр* 'улица', *пондӧтны* 'начинать', *инька* 'женщина', *вежӧртны* 'понимать', *лыддӧтны* 'читать', *вилъ* 'новый', *сёрникузя* 'предложение', *любитны* 'любить', *рыт* 'вечер', *велотись* 'учитель', *учӧтик* 'маленький', *асыв* 'утро', *листбок* 'страница', *бур* 'хороший', *картина* 'картина', *семья* 'семья', *бумага* 'бумага', *гожум* 'лето', *имейтны* 'иметь', *кыв* 'язык, слово' (48 лексических единиц) [Коми-пермяцко-русский словарь 1985]. Информантам было предложено на каждое слово из данного списка

отреагировать другим словом, первым пришедшим в голову.

В результате эксперимента было получено 2 833 ассоциативно-вербальных пар, среди которых оказались 903 пары (31%) с межъязыковой связью. Из общего числа межъязыковых пар 153 (17%) составили межъязыковые синтагматические пары. Межъязыковая синтагматическая пара – это сочетание коми-пермяцкого стимула и русскоязычной реакции, составляющие семантически и синтаксически связанное целое:

- *думайтны* 'думать' → *о чём-то*,
- *кывзыны* 'слушать' → *внимательно*,
- *гожум* 'лето' → *солнечный*,
- *вовлыны* 'приходить' → *к тебе*,
- *сетавны* 'давать' → *списывать*,
- *мунны* 'идти' → *далеко*,
- *бур* 'хорошая' → *погода*,
- *имейтны* 'иметь' → *друзей*,
- *босьтны* 'давать' → *знания*,
- *велотись* 'учитель' → *умный*.

Поскольку те или иные межъязыковые синтагматические пары присутствовали практически в каждом экспериментальном бланке, мы предположили, что стратегия интегрирования слов двух разных языков в единую синтаксическую единицу является высокопродуктивной для коми-пермяцко-русских билингвов, а часть из них может иметь статус разнокодовых коллокаций, то есть воспроизводиться говорящим и восприниматься слушающим как привычное, естественное и правильное.

Для подтверждения этого предположения на втором этапе исследования с теми же информантами было проведено письменное анкетирование.

При составлении анкеты из общего числа межъязыковых синтагматических пар была отобрана 51 пара: *керны* 'делать' *на совесть*, *вовлыны* 'приходить' *на пары*, *кывзыны* 'слушать' *внимательно*, *вовлыны* 'приходить' *вовремя*, *думайтны* 'думать' *о будущем*, *кыв* 'язык' *родной*, *тӧдны* 'знать' *домашнее задание*, *сетавны* 'дать' *конфет*, *баитны* 'говорить' *ни о чём*, *думайтны* 'думать' *о чём-то*, *велӧтчины* 'учиться' *в вузе*, *мунны* 'идти' *гулять*, *зонка* 'мальчик' *симпатичный*, *кывзыны* 'слушать' *лекцию*, *кывзыны* 'слушать' *окружающих*, *тӧдны* 'знать' *о себе*, *керны* 'делать' *работу*, *учӧтик* 'маленький' *ребёнок*, *чожа* 'быстро' *делать*, *мунны* 'идти' *домой*, *вежӧртны* 'понимать' *жизнь*, *вовлыны* 'приходить' *домой*, *лыддӧтны* 'читать' *книгу*, *учӧтик* 'маленькая' *собака*, *баитны* 'говорить' *много*, *вовлыны* 'приходить' *в кино*, *кывзыны* 'слушать' *товарища*, *ыджыт* 'большой' *дом*, *вежӧртны* 'понимать' *окружающих*, *вежӧртны* 'понимать'

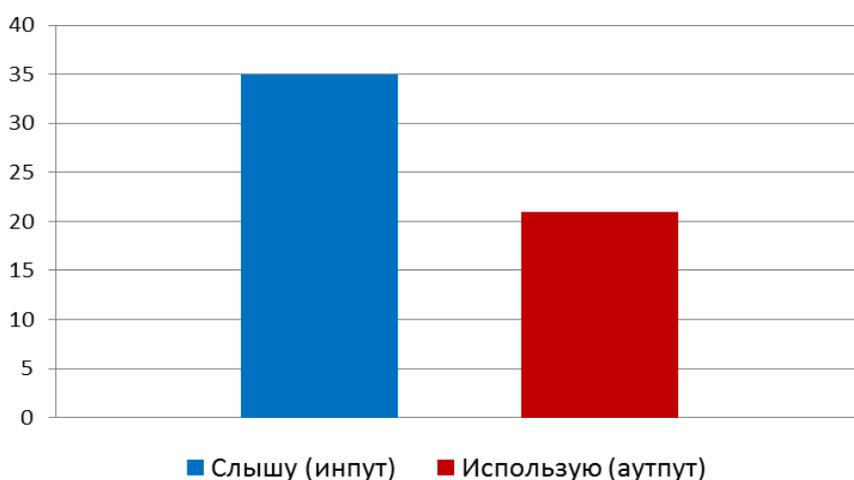
тему, *имейтны* 'иметь' *всё*, *морт* 'человек' *маленький*, *морт* 'человек' *высокий*, *чожа* 'быстро' *идти*, *лун* 'день' *сегодняшний*, *погоддя* 'погода' *плохая*, *погоддя* 'погода' *хорошая*, *инька* 'женщина' *хорошая*, *нывка* 'девочка' *красивая*, *нывка* 'девочка' *маленькая*, *удж* 'работа' *тяжёлая*, *кокнитта* 'легко' *прибежать*, *сёрникузя* 'предложение' *пройтись*, *гожум* 'лето' *жаркое*, *баитны* 'говорить' *смеяь*, *керку* 'дом' *высокий*, *лун* 'день' *хороший*, *кыв* 'слово' *длинное*, *сёрникузя* 'предложение' *о жизни*, *рыт* 'вечер' *тёмный*, *велётись* 'учитель' *добрый*.

Информантам было предложено ответить на следующие вопросы:

- 1) слышите ли вы данные словосочетания в речи окружающих;
- 2) используете ли вы данные словосочетания в своей речи;
- 3) можете ли вы каким-то образом прокомментировать данные словосочетания.

Содержание вопросов было направлено на выявление функциональной активности данных межъязыковых единиц в инпуте и аутпуте естественных билингвов.

На первый вопрос было получено 583 утвердительных ответа (21%) («Использую»). На второй вопрос количество утвердительных ответов («Слышу») составило 970 (35%) (см. рис.).

Частота утвердительных ответов информантов
на первый и второй вопросы анкеты, %

На рисунке показано, что данные межъязыковые образования, по мнению информантов, имеют большую активность в инпуте, чем в аутпуте.

Участники эксперимента по отношению к 48 межъязыковым парам (исключая три пары: *гожум* 'лето' *жаркое*, *рыт* 'вечер' *тёмный* и *сёрникузя* 'предложение' *о жизни*) дали одновременно два утвердительных ответа: «Использую» и «Слышу», что составило 586 случаев (28%). Общий список межъязыковых пар был разделен на четыре группы: единичные (с частотой 1), низкочастотные (с частотой от 2 до 15), среднечастотные (с частотой от 16 до 29) и высокочастотные (с частотой от 30 до 43). Представим эти частотные классы.

- **Высокочастотные:** *керны* 'делать' *на совесть* (43); *вовлыны* 'приходить' *вовремя* (35); *вовлыны* 'приходить' *на пары* (38); *кывзыны* 'слушать' *внимательно* (35).
- **Среднечастотные:** *думайтны* 'думать' *о будущем* (28); *тёдны* 'знать' *домашнее задание* (25); *велётчины* 'учиться' *в вузе* (23); *кыв* 'язык' *родной* (23); *мунны* 'идти' *гулять* (22);

баитны 'говорить' *ни о чем* (21); *тёдны* 'знать' *о себе* (19); *сетавны* 'дать' *конфет* (18); *зонка* 'мальчик' *симпатичный* (17); *кывзыны* 'слушать' *лекцию* (17).

- **Низкочастотные:** *велётись* 'учитель' *добрый* (14); *керны* 'делать' *работу* (14); *вежёртны* 'понимать' *окужающих* (12); *учёттик* 'маленький' *ребёнок* (12); *вежёртны* 'понимать' *жизнь* (12); *думайтны* 'думать' *о чём-то* (12); *мунны* 'идти' *домой* (11); *лыддьётны* 'читать' *книгу* (11); *вовлыны* 'приходить' *домой* (10); *вежёртны* 'понимать' *тему* (9); *вовлыны* 'приходить' *в кино* (8); *кывзыны* 'слушать' *окужающих* (7); *учёттик* 'маленький' *собака* (7); *погоддя* 'погода' *плохая* (6); *кывзыны* 'слушать' *товарища* (6); *имейтны* 'иметь' *всё* (5); *лун* 'день' *сегодняшний* (5); *чожа* 'быстро' *делать* (5); *ыджыт* 'большой' *дом* (5); *лун* 'день' *хороший* (4); *морт* 'человек' *маленький* (4); *погоддя* 'погода' *хорошая* (4); *чожа* 'быстро' *идти* (4); *морт* 'человек' *высокий* (3); *баитны* 'говорить' *много* (2); *баитны* 'говорить' *смеяь* (2); *керку* 'дом' *высокий* (2); *кок-*

нита 'легко' *прибежать* (2); *нывка* 'девочка' *маленькая* (2); *сёрникузя* 'предложение' *пройтись* (2); *удж* 'работа' *тяжелая* (2).

- **Единичные (индивидуальные):** *нывка* 'девочка' *красивая*; *кыв* 'слово' *длинное*; *инька* 'женщина' *хорошая*.

Мы полагаем, что все межъязыковые пары, исключая класс единичных словосочетаний, являются привычными для коми-пермяцко-русских билингов. Они функционируют в инпуте и аутпуте и, следовательно, характеризуются воспроизводимостью и устойчивостью. Все это позволяет рассматривать их как **разнокодовые коллокации**.

В основе разнокодовых коллокаций лежит механизм кодового переключения – «чередования языков внутри одной коммуникативной единицы, вызванное не намерениями говорящего, но специфическими условиями производства речи» [Riehl 2005: 1945; Wei 2002: 691]. В основе кодовых переключений может лежать явление триггеринга, понимаемого в самом общем виде как влияние какой-либо единицы языка на процесс переключения с одного языкового кода на другой [Clyne 1980: 400; Broersma 2006: 2]. Анализ разнокодовых коллокаций показывает, что в качестве триггера, «запустившего» механизм кодового переключения выступает заимствование: либо структурно-семантическая конструкция, либо слово. И тот и другой триггер достигают своей активности только при свободном владении двумя языками, в частности, при знании синтаксического строя и лексико-семантической системы.

В рассматриваемых случаях в качестве триггера выступает структурно-семантическая конструкция, т. е. такое сочетание слов, в котором и синтаксическая модель, и семантика составляющих конструкцию элементов совпадает в коми-пермяцком и русском языках. По всей видимости, в данном случае конструкция воспроизводится целиком, однако ее членимость на элементы предоставляет билингу возможность выбрать из пары межъязыковых синонимов слово другого языка, например: *керыны на совесть* 'делать на совесть'; *вовлыны вовремя* 'приходить вовремя'; *кывзыны внимательно* 'слушать внимательно'; *тёдны домашнее задание* 'знать домашнее задание' и др. Так как нормы устной разговорной речи не являются строго обязательными, то выбор одного из межъязыковых синонимов в пределах коллокации почти не оказывает влияния на синтаксическую связь и не приводит к изменению значения словосочетания.

В некоторых случаях триггером может выступать и заимствованное коми-пермяцким язы-

ком русское слово. Например, заимствованные слова *думайтны* 'думать', *имейтны* 'иметь', *погоддя* 'погода' и др. выступают триггерами для переключения кода при производстве таких коллокаций, как *думайтны о чём-то*, *думайтны о будущем*, *имейтны всё*, *погоддя хорошая*, *погоддя плохая* и т. п. В данных примерах коми-пермяцкие глаголы *думайтны* и *имейтны*, заимствованные из русского языка и адаптированные грамматической системой коми-пермяцкого языка, сохраняют русскоязычную корневую морфему, но оформляются исконным коми-пермяцким инфинитивным аффиксом *-ны/-ыны*, который маркирует принадлежность слова к классу глаголов [Коми-пермяцкий язык 1962: 278]. Заимствованное из русского языка существительное *погоддя* 'погода' сохраняет русскоязычный облик корня, а его грамматическая адаптация к классу имен существительных сопровождается морфологическими изменениями. Высокая степень формального (фонетико-графического) и семантического сходства заимствованного коми-пермяцкого слова и русского слова обуславливает кодовый переход от коми-пермяцкого языка к русскому.

Исследователи кодовых переключений отмечают, что триггером может выступать любое явление, в той или иной степени связанное с продуцированием речи билингом: звук другого языка, воспоминание о событии, связанном с данной коммуникативной ситуацией, частота встречаемости слова / звука / графического знака / артикуляционного движения / конструкции из другого языка может быть достаточным для «запуска» переключения на другой языковой код [Bot de 2009: 88]. Исходя из этого можно предположить, что, помимо структурно-семантического и лексического сходства двух языков, существует множество других типов триггеров, обуславливающих кодовые переключения в речи двуязычных говорящих.

На вопрос 3 в анкете («Можете ли вы каким-то образом прокомментировать данные словосочетания?») ответили 15 информантов. Общее количество комментариев составило 90. Количество комментариев в анкетах варьирует от 1 до 24.

При анализе данных ответов было выделено три типа комментариев:

- 1) в 81 комментарии (90%) информанты использовали однокодовые эквиваленты коллокаций на коми-пермяцком языке: *кыв родной – родной кыв*, *баитны много – уна баитны*, *вовлыны в кино – вовлыны кино*;
- 2) в 7 комментариях (8%) информанты оценили частоту встречаемости разнокодовых коллокаций в речи: *редко, часто употребляемое*;

3) в 2 случаях (2%) информанты указали на сферу использования отдельных коми-пермяцко-русских сочетаний слов: *в разговоре с подругами*.

Анализ комментариев и стимульного материала показывает, что по признаку референтной соотнесенности разнокодовые коллокации описывают ситуации общебытовой сферы (33): *мунны* 'идти' *гулять*, *зонка* 'мальчик' *симпатичный*, *сетавны* 'дать' *конфет*, *баитны* 'говорить' *ни о чем*; познавательной сферы (14): *думайтны* 'думать' *о будущем*, *тёдны* 'знать' *о себе* и учебной сферы (4): *вовлыны* 'приходить' *на пары*, *велётчины* 'учиться' *в вузе*, *тёдны* 'знать' *домашнее задание*.

* * *

Итак, результаты исследования показали, что носители коми-пермяцко-русского двуязычия естественного типа в экспериментальной ситуации активно продуцируют разнокодовые ассоциативно-вербальные пары, объединенные синтагматическим типом связи.

Результаты социолингвистического опроса коми-пермяцко-русских билингвов дают основание считать, что часть разнокодовых синтагматических пар регулярно воспроизводятся как в инпуте, так и в аутпуте, что позволяет отнести их к разряду разнокодовых коллокаций – устойчивых, относительно целостных, воспроизводимых единиц, состоящих из двух разноязычных слов, но по своей структуре соответствующих определенной синтаксической конструкции.

Появление разноязычных слов в пределах одной конструкции обусловлено включением механизма кодового переключения, который активируется структурно-семантической конструкцией и/или словом.

Можно предположить, что активное использование разнокодовых коллокаций, характеризующих речь естественных коми-пермяцко-русских билингвов, свидетельствует о том, что в их сознании сформирована «смешанная» с точки зрения языкового кода зона, элементы которой не идентифицируются как принадлежащие только одному из языков. По всей видимости, в силу высокой степени формально-семантического сходства коми-пермяцких и русских синтаксических структур и слов, такие единицы интуитивно осознаются как взаимозаменяемые/универсальные, что позволяет двуязычным индивидам свободно сочетать их между собой и воспринимать такие сочетания как нормативные, не нарушающие языковой однородности речи. Судя по все-

му, именно наличие смешанной зоны синтаксических и лексических репрезентаций создает основу для обширных кодовых переключений в речи билингвов.

Список литературы

Бялек Э. Коллокация как единица перевода // Cuadernos de Rusística Española. 2004. № 1. С. 223–231.

Влавацкая М.В. Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11(53). С. 56–60.

Доценко Т.И., Лещенко Ю.Е., Остапенко Т.С. Кодовые переключения как межъязыковые взаимодействия в ситуации комбинированного билингвизма (на фоне становления профессиональной лингвистической компетенции) // Вопросы психолингвистики. 2013. № 2(18). С. 78–89.

Коми-пермяцко-русский словарь / под ред. Р.М. Баталовой, А.С. Кривошековой-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 624 с.

Коми-пермяцкий язык: учебник для вузов / под ред. В.И. Лыткина. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 1962. 340 с.

Bot de K., Broersma M., Isurin L. Sources of triggering in code switching // Multidisciplinary Approaches to Code Switching / eds. L. Isurin, D. Winford, K. de Bot. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. Pp. 85–102.

Broersma M., Bot de K. Triggered codeswitching: A corpus-based evaluation of the original triggering hypothesis and a new alternative // Bilingualism: Language and Cognition. 2006. Vol. 9(1). Pp. 1–13.

Clyne M. Triggering and Language processing // Canadian Journal of Psychology. 1980. Vol. 34(4). Pp. 400–406.

Riehl C.M. Code-switching in Bilinguals: Impacts of Mental Processes and Language Awareness // Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism / eds. J. Cohen, K.T. McAlister, K. Rolstad, J. MacSwan. Somerville, MA: Cascadilla Press, 2005. Pp. 1945–1959.

Wei L. The Bilingual Mental Lexicon and Speech Production Process // Brain and Language. 2002. Vol. 81. Pp. 691–707.

Woolard G. Collocation – encouraging learner independence // Teaching Collocation: Further Development in the Lexical Approach / ed. M. Lewis. Hove: Language Teaching Publications, 2000. Pp. 28–46.

**CROSS-LINGUISTIC COLLOCATIONS
IN THE SPEECH OF KOMI-PERMYAK-RUSSIAN BILINGUALS**

Tamara I. Dotsenko

Assistant Professor, General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

Yuliya E. Leshchenko

Assistant Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

Tatyana S. Ostapenko

Senior Lecturer, Foreign Languages Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

The paper presents an experimental research of cross-linguistic collocations (stable combinations of two or more words of different languages) used by Komi-Permyak-Russian bilingual speakers. The research included two stages: 1) revealing syntagmatic cross-linguistic connections in the materials of a free associative test with Komi-Permyak stimuli; 2) revealing cross-linguistic collocations and describing their peculiar features in a sociolinguistic survey with Komi-Permyak-Russian bilinguals. While analyzing cross-linguistic collocations special attention is drawn to triggering effect that stipulates code switches between the collocations' elements. Basing on the research the authors formulate the hypothesis that bilingual consciousness is characterized by a mixed, diffused from the point of view of linguistic code, zone. This zone is formed with the help of unintentional code switches and provides the "language mixing" phenomenon often revealed in bilingual speech.

Keywords: native bilingualism; Komi-Permyak-Russian bilingualism; cross-linguistic collocations; code switches; triggering; language mixing.